

Мы все равно зависимы друг от друга

Наш гость — председатель национального Фонда культуры Эстонии дирижер Эри КЛАС.

- Эри, вы известный, успешный, много концертирующий музыкант. Достаточно вспомнить, что в свое время вам было присвоено звание народного артиста СССР. Как вы, кстати, относитесь сегодня к этому факту своей биографии?

— Как проявление хорошего отношения. Ведь звания давались мне не за политические услуги. Потому я и доволен, что был отмечен в Эстонии званием заслуженного деятеля искусств и народного артиста. И связано это было не только с Союзом, но и с концертами во многих странах. Наконец, я работал не только с республиканскими коллективами, но и дирижировал в Большом театре и в Мариинке, встречался со многими симфоническими оркестрами бывшего Советского Союза. Я много ездил и много работал, дирижировал не только в Москве и Петербурге, но и в Иркутске, и в Запорожье. Так что титул мною заслужен.

— Советского Союза уже и в помине нет, а в будущем году исполнится 10 лет знаменитому Пленуму творческих союзов, который положил начало движению Эстонии к независимости. Тогда деятели культуры немало сделали для политики. Как, на ваш взгляд, сегодня политика относится к культуре?

— В жизни Эстонии за эти годы многое изменилось, и я думаю хорошо, что движение к другой жизни начали именно деятели культуры. Но независимость — это все равно зависимость друг от друга, и то, что путь к ней начали мыслящие, культурные люди, очень важно. К сожалению, не только у нас, но и в Венгрии, и в Чехословакии очень быстро забылись заслуги тех, кто начинал, хотя поначалу многие деятели культуры и попадали в высшие эшелоны власти. Правда, потом они понимали, что надо выбирать между политической и творчеством. И места на политическом Олимпе стали освобождаться. Кроме того, повзвизавшись в политике, люди искусства стали замечать, что в ней значительно больше грязи, чем можно предположить. Но нельзя сказать, что при всех противоречиях не было никакого просвета и сдвигов к лучшему. Мы же видим, какой громадный прыжок сделала Эстония.

— Сами вы никогда политикой не занимались, но уже 6 лет возглавляете национальный Фонд культуры. Возглавив одну из крупнейших общественных структур, кто вы в ней — свадебный генерал для представительства или действующий человек?

— Думаю, все-таки работающий человек. Наш фонд создавался в 1991 году, еще до того, как Эстония окончательно стала независимой. Тогда он, между прочим, и назывался иначе — Фонд спасения эстонской культуры. Мы опасались, что в сложной ситуации того времени могут попросту развалиться все культурные ценности, что страну покинут деятели культуры, что начнут гибнуть театры, творческие союзы.

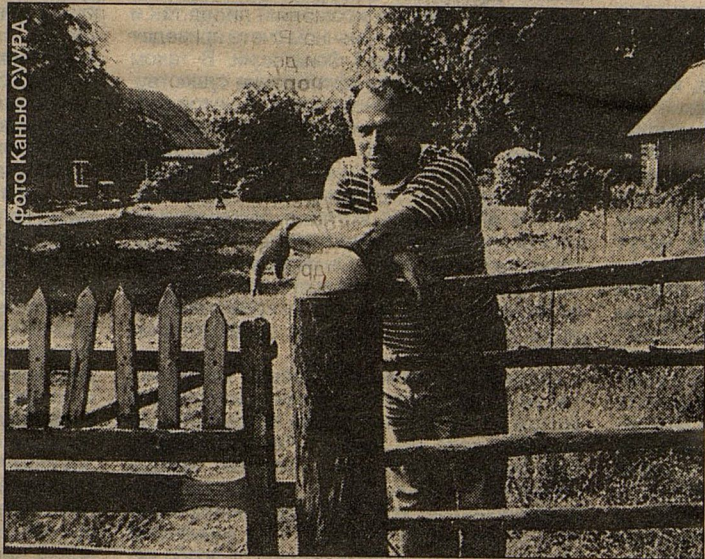
Когда ко мне обратились с предложением возглавить создаваемый фонд, я удивился. И спросил: "Наверняка, у вас были и другие кандидатуры?" Мне искренне ответили: "Да, мы предполагали, что фонд возглавит писатель Яан Кросс. Но Яан Кросс сказал, что видит на этом посту вас, и в этом случае соглашался стать членом совета Фонда". Для меня Кросс всегда был большим авторитетом, не зря он в этом году называется одним из кандидатов на Нобелевскую премию, и я принял предложение. Но с одной оговоркой, попросил права пригласить в совет фонда тех, кого найду нужным. Я не хотел быть повязан политическими интересами и пристрастиями отдельных кругов и групп. Уже тогда в эстонской политике было немало движений и партий, и я меньше всего желал стать заложником чьих-то мнений. Мне представлялось, что все 10 членов совета должны были быть в полном смысле деятелями культуры, которые в самом деле беспокоятся о ее судьбе, сегодняшнем и завтрашнем дне.

— Вы получили такой карт-бланш?

— Да. Оставалось только утвердить мою кандидатуру тогдашним Верховным Советом. Помню, процедура утверждения в повестке заседания Верховного Совета того дня стояла первым пунктом. Но чтобы войти в зал, мне пришлось прождать полтора часа. Тогда в Верховном Совете, как и сейчас в парламенте, никогда не было единого мнения и споры всегда были затяжными.

Когда я предстал перед депутатами, то первый заданный мне вопрос был неожиданным: "Вы дирижируете по всему миру, и перед вами всегда оркестр, в котором почти сто человек. В нашем Верховном Совете приблизительно столько же. Ка-

ким вам кажется наш оркестр?" Я ответил, что состав оркестра и Верховного Совета в принципе идентичен, но в своей жизни мне еще не доводилось видеть такого плохого оркестра. Сегодня в течение полутора часов, сказал, вы не играли, а только спорили о том, что будете играть, значит, ваш кпд всего несколько тактов в день, а этого быть не может, так что, извините... Потом один русский депутат спросил, как я буду относиться к русской культуре, возглавляя Эстонский национальный фонд? Я ответил, что эстонская культура вряд ли была бы столь сильна, если бы у нас всегда не было рядом такого соседа, как Россия с ее культурным наследием. Ибо большинство эстонской интеллигенции и при царе, и после него получало свое образование там. Я ведь и сам

учился в Ленинграде. Не надо только путать Пушкина с Брежневым, а Мусоргского с Горбачевым. Кстати, думаю так и сейчас... В общем, меня утвердили, идет уже шестой год, а состав совета фонда практически не изменился. Начав с нуля, мы имеем сейчас в портфеле 20 млн. эстонских крон, которые не тратим, а стараемся вкладывать, чтобы проценты от них шли на нужды эстонской культуры. В этом году, надеюсь, выделим ей 4 миллиона.

— В Эстонии сегодня немало фондов, но при этом возникает чувство, что государство, радуясь их обилию, старается переложить свои заботы на общественные плечи.

— Конечно, вначале бывало по-разному. Мы, например, получали заявления с просьбой о помощи от всенародно известного певца: мол, моя песня спета, работаю ночным сторожем, дайте хоть небольшую субсидию. И мы очень часто становились как бы продолжением Министерства социальных дел. Но потом был создан фонд "Культиукапитал", который получает от государства деньги, поступающие от акциза на алкоголь и табак, и мы решили заниматься все-таки теми проблемами, что связаны с жизнью культуры. Мы немало даем образованию, считая это инвестированием в будущее, субсидируем индивидуальные проекты, приглашаем из-за рубежа педагогов и специалистов. Что же до социальной поддержки, то она выражается в тех премиях, которые мы выдаем деятелям культуры, чей вклад в искусство был весомым.

— Известно, что труднее всего человек растается с деньгами. Как вам удается добывать их для фонда?

— Действительно, у дверей богатых фирм стоят немалые очереди в надежде на спонсорскую поддержку. К счастью, теперь фирмы начали понемногу понимать, что проще создать при ком-то свой именной фонд — только у нас таких 19 — и отдать дело распределения денег в руки тех, кто в культуре разбирается. Тут присутствует еще одно обстоятельство. В большом мире обычное дело, когда фирма, открыв при ком-то свой именной фонд, навсегда остается в истории культуры своей страны, золотыми буквами вписывает в нее свое имя. Я бы, например, не имел ничего против, если бы кто-нибудь дал 10 млн. на строительство концертного зала, который потом носил бы имя этого человека! Если в Америке кто-то хочет построить себе при жизни памятник, то он идет с деньгами в фонд. Наши коллеги в Финляндии говорили мне, что большинство средств приходит к ним именно таким образом. Не зря же там так часто завещают деньги фондам.

— Вашему фонду часто давали деньги под имя маэстро Эри Класа?

— Наверное, это имело какое-то значение. Вряд ли в наших именных фондах были бы представлены Германия, Швеция, Финляндия, если бы меня там не знали. Однажды я обратился к директору финской почты с предложением о создании у нас ее именного фонда. Директор позвонил в Эстонию, все о нас разузнал, а потом при встрече я услышал: "Мне про вас сказали: если он что-то хочет, дайте ему..."

Беседу вел Николай ХРУСТАЛЕВ
ТАЛЛИНН